

ББК 87.7

Т.Г. Сердюк

Проблема определения совести в философии морали

T.G. Serdyuk

The Problem of Providing an Accurate Definition of Conscience

Проблема определения совести является одной из самых трудных в моральной философии. Совесть, как и многие другие экзистенциальные переживания, сложно выразить средствами языка. Именно по этой причине возникает множество концептов и интерпретаций данной категории, которые нередко противоречивы и субъективны. Автор анализирует основные дефиниции совести, существующие в современной моральной философии.

Ключевые слова: этика, совесть, экзистенциал, антиномии морали.

Две вещи на свете наполняют мою
душу священным трепетом –
звездное небо над головой и
нравственный закон внутри нас.

И. Кант

Перефразируя известное высказывание И. Канта о бесконечности звездного неба и нравственном законе, можно сказать, что первую бесконечность человек преодолевает в процессе познания, а вторую – он должен преодолеть, подчиняясь голосу совести.

Говорить о совести и легко, и сложно. Совесть можно охарактеризовать по тривиальной на первый взгляд схеме: с одной стороны, совесть – это неоспоримо наличествующий нравственный феномен, с другой – она должна быть рационализирована, поскольку мы говорим о ней в рамках моральной философии. Вот здесь и возникает проблемная ситуация: совесть оказывается таким духовно-катарсическим состоянием, которое невыразимо средствами языка. В отношении совести, как и в отношении справедливости, вины, стыда, можно сказать, что они сложноопределимы в качестве моральных понятий, но при этом переживаемы. (В отличие от добра, например, которое не только неопределимо, но и непереживаемо). Следовательно, задача состоит в том, чтобы разобраться в основных подходах в интерпретации совести – насколько возможно дать определение этому экзистенциальному состоянию?

Проблема определения вытекает: во-первых, из антиномичности совести как морально-этического

Conscience is one of the most complicated ethic categories. It is an existential emotional experience which is very difficult to express verbally. Thus there are many definitions of conscience in ethics. The notion of conscience can be contradictory and ambiguous; furthermore it is not easily observed in human behavior. The author analyzes main definition of conscience taking place in modern moral philosophy.

Key words: ethics, conscience, existential, contradictory of ethics

феномена; во-вторых, из нечеткого статуса совести в системе этических понятий «стыд», «долг», «вина»; в-третьих, из многообразия оснований при определении совести, из самой проблематичности родового понятия, к которому мы пытаемся отнести «совесть». Кроме того, парадоксальность совести вытекает из общих принципов антиномичности морали.

Антиномия объективного и субъективного в феномене совести обнаруживается в большей части моральных ситуаций. С одной стороны, нравственные требования, предъявляемые к поступкам и мотивам человека, имеют объективное значение, нравственный закон – нечто противостоящее человеческой воле, нечто абсолютное. С другой стороны, совесть – это самополагание субъекта, несовершенное и ситуативное: человек не может в своих поступках соответствовать Абсолюту.

Вторая антиномия представляет собой соотношение всеобщего и особенного в морали. В морали всегда наблюдается противостояние групповых и индивидуальных позиций. Нормы предписаны извне, оценка социального поведения – внешняя, а переживание совести – сугубо индивидуально, субъективно. Из этой антиномии вытекает следующая: антиномия между практической целесообразностью и стремлением к увещанию собственной совести. Насколько совесть помогает решать жизненные проблемы? Хотя бы профилактическую функцию она выполняет? Но уже М. Монтень сомневается, всегда ли можно найти связь между целесообразностью и совестью.

Антиномии совести обнаруживаются и в противостоянии мотиваций морального поступка: противоречие между социальной обусловленностью морального выбора и личной мотивацией. Выглядеть позитивно в глазах общества еще не означает остаться с чистой совестью. Да и вообще – групповые нормативные цели могут не соответствовать целям субъекта.

Парадоксальность совести достигает максимальной остроты в акте нравственной рефлексии: противоречие между свободным, добровольным выбором и его последствиями – угрызениями совести. Ты сам делаешь моральный выбор и сам мучаешься угрызениями совести за собственный выбор.

Все перечисленные антиномии так или иначе отражаются в попытках определения совести как моральной категории.

Понятие совесть сопряжено с другими этически-ми категориями. Как форма морального самосознания и самоконтроля, совесть может выражать осознание человеком неисполненности долга, несвершенности добра и несовершенства содеянного; в этом отношении, как мы видим, совесть сопряжена с чувством ответственности и долга, со способностью быть ответственным и исполнять свой долг. Мы интуитивно чувствуем фундаментальное отличие совести от стыда, индивидуального чувства долга и т.д. Можно не выполнить долг, но при этом поступить по совести. При высшем своем проявлении совесть означает растворение долга в свободной доброй воле. Укоры совести указывают человеку на некую личностную отчужденность от идеала и обуславливают чувство вины. А вина в метафизическом смысле тотальна – ее тотальность проистекает из несовершенства человека и из его априорной неспособности идеально исполнить долг.

Однако в отличие от вины у понятия «совесть» нет антонима. Антонимом вины является «заслуга», а в отношении совести мы можем лишь заменить предикаты – «нечистая» на «чистая». Или – совесть либо есть, либо ее нет. Но это не помогает нам продвинуться в понимании содержания этой этической категории. Можно испытывать голос совести по отношению к еще не совершенным поступкам. Соотношение понятий «совесть» и «стыд» – отдельная тема в этике. Стыд эгоистичен, а совесть рефлексивна, самоистязательна, альтруистична. Стыд – это боязнь оценки Другого: как мир к тебе повернется, как он будет тебя судить? Кроме того, стыд не судит намерений, а для совести нет ограничений.

Возникает вопрос: на каких основаниях базируются известные в этике определения?

Определений совести много. С точки зрения психологизирующего моралиста совесть трактуется как «чувство психологического дискомфорта, возникающее от понимания противоречия между личным

поведением и нормой». Здесь четко звучит социальность феномена, но не вполне ясен статус совести в контексте морального сознания.

Социологизирующие моралисты утверждают, что совесть – это способность человека осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формировать для себя моральные обязанности, требовать от самого себя их выполнения и осуществлять самооценку совершенных поступков. Становится непонятно, насколько рационалистична эта самооценка, насколько оптимален этот самоконтроль. Ведь мы понимаем, что совесть проявляется не только в форме рационального осознания нравственного значения совершенных действий, но и в форме эмоциональных переживаний – негативных в форме «угрызений совести» и позитивных в форме «спокойной совести».

С позиций ригоризма совесть определяется как «способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие должному как собственное несовершенство». Возникает вопрос: кто предписывает должное? Источник долженствования сразу проводит демаркацию между субстанциальным и индивидуалистическим подходами, о которых далее пойдет речь.

Экзистенциализм трактует совесть как нравственную санкцию, исходящую от интериоризированного субъекта. Вновь возникает вопрос: этот интериоризированный субъект, санкционирующий наше поведение, чем детерминирован в своей оценке?

Определение категории «совесть» предполагает ответы на следующие вопросы:

- В чем состоит природа совести – почему она есть? В чем ее генетические основания?
- В чем состоит сущность совести – что она такое? В чем ее онтологические основания?
- Какую функцию она выполняет – зачем она есть? Насколько ей присущи казуальность и телеологизм?

В зависимости от ответов на эти вопросы, интерпретации совести могут быть **субстанциальными** или **индивидуалистическими**. Причем эти интерпретации не привязаны напрямую ни к определенной исторической эпохе, ни к культурной традиции, ни к отношению к религии, ни к мировоззрению. Оба подхода мы встречаем и в античную эпоху, и в Средние века, и в неклассической философии.

Субстанциальный подход к интерпретации совести можно условно разделить на три направления: совесть как интенция Абсолюта; совесть как критерий исполнения автономного долга; совесть как фактор следования безусловному традиционному предписанию.

Все перечисленные интерпретации выносят основания совести за пределы индивидуального морального сознания, за пределы субъективности.

У каждого из этих подходов есть свои плюсы и минусы. С точки зрения трансцендентности, метафизичности морали привлекателен первый концепт, но в нем инструментальность совести сводится на нет: что толку культивировать в себе нравственные чувства, если по мере их совершенствования ты все больше и больше впадаешь в перманентную рефлексивность и осложняешь себе жизнь? Второй подход с инструментальной точки зрения, конечно, дисциплинирует, настраивает на служение, но кантовское требование безусловности исполнения долга оставляет ощущение противоречивости и недоговоренности. Третий подход, напротив, лишен метафизичности и чересчур инструментален: хочешь быть совестливым – будь им.

При индивидуалистическом подходе совесть понимается как феномен автономной, но не объективной, субстанциальной, а индивидуальной морали. Главная установка субъективистских моральных учений состоит в трактовке совести как стремления соответствовать в намерениях и поступках только собственным принципам нравственности.

В индивидуалистическом смысле совесть может интерпретироваться как негативно, так и позитивно.

Впервые заявляет о негативной трактовке Ф. Ницше. Совесть у Ницше укоряющая, предостерегающая. Но мы, наконец, встречаем подход в интерпретации совести не через нормативный коллективизм, а через субъективность. «Есть степень заядлой лживости, которую называют **“чистой совестью”**», – саркастически отмечает он. [1, с. 738]. Ницше говорил, что так называемые «моральные люди испытывают самодовольство при угрызениях совести». Индивидуализм «сверхчеловека» не просто девальвирует понятие совести, он обосновывает ее ничтожность. Совесть – показатель несамодостаточности, что не укладывается в концепцию «сверхчеловека». Совесть – признак слабости, склонности к такому патологическому лицемерию, которое не оставляет человека даже наедине с самим собой.

Чрезвычайно интересна негативная интерпретация совести в психоанализе, который подчеркивает ее карающе-агрессивную роль. Отличие психоаналитической концепции от всех прочих состоит в том, что меняется каузальная связь между понятиями, отражающими стадии моральной рефлексии: не вина обусловлена совестью, а совесть обнаруживает себя как феномен вины. Совесть – это голос Сверх-Я, и он звучит постоянно, напоминая об этом тотальном несовершенстве. Совесть – не есть фактор нравственного самоопределения. Это всегда внутренний конфликт, поскольку человек патологически виновен. Поэтому совесть, по Фрейдю, – фактор, провоцирующий невроз.

Позитивные индивидуалистические трактовки совести встречаются в этике витализма и в экзистенциализме достигают своего апогея.

Индивидуализм А. Швейцера трактует чистую совесть как изобретение дьявола, как признак нравственной неразвитости [2, с. 322]. Отсутствие авторитарного давления со стороны социума – других индивидов, общепринятых норм, табу и прочего – вовсе не является основанием чистой совести. Если совесть у человека чиста, это еще не значит, что он морально благополучен. Это всего лишь означает, что она молчит. Муки совести – это усилие к нравственному совершенствованию, залог того, что ситуация не повторится.

По мнению М. Хайдеггера и других экзистенциалистов, аргумент «поступил по совести» безукоризнен. Он может быть последним в любой этической дискуссии. Подобной позиции придерживался и Э. Фромм. Подлинное существование может быть обусловлено гуманистической совестью, которая не дает человеку подчиняться чужим интересам. Быть совестливым, по его мнению, значит повиноваться только тем правилам, которые агент предполагает должными для себя [3, с. 563]. Что значит для экзистенциалиста подлинность существования? Это верность себе. Например, Ж.-П. Сартр не соглашается с И. Кантом в том, что самозаконотворчество автономной воли тождественно общечеловеческому нравственному закону. Для экзистенциалиста личное суждение и универсальный закон вообще не совпадают. Релятивная позиция, наиболее выраженная в экзистенциализме, декларирует безусловное доверие к субъективному восприятию моральной ситуации.

Совесть как синтез внешнего и внутреннего подсказывает решение только в единичной ситуации. Она не универсальна. Не может быть моральных ситуаций, в которых решение принимается дедуктивным методом. Все ответственные решения принимаются, полагаясь только на свою совесть. Жизнь – это искусство взаимодействия со своей совестью.

Таким образом, индивидуалистические интерпретации сходятся на том, что совесть напоминает человеку о его личных моральных обязанностях, в первую очередь перед самим собой, а не перед Абсолютом, автономной волей или группой. Совесть не позволяет относиться к себе снисходительно.

Этика не может научить совести, но может объяснить ее роль. Совесть – орган моральной интуиции. Есть нравственно одаренные люди с очень чувствительной совестью, и есть люди с очень слабой нравственной интуицией. Это не зависит от интеллектуального потенциала. Совесть – это нравственная рефлексия, позволяющая прочувствовать фальшь в собственном поведении, понимание злокачественности поступка.

Таким образом, мы приходим к выводу, что однозначного, раз и навсегда установленного определения совести нет. Порой возникает мысль: а нужно ли это?

Ведь это не первая ситуация, когда этические категории фактически не определимы. В определении совести возникает больше вопросов, чем ответов.

Однако философия вообще и моральная философия в частности – это не столько «ответание», сколько вопрошание.

Библиографический список

1. Ницше Ф. Сочинения // Ницше Ф. Злая мудрость. – М., 1990.

2. Швейцер А. Культура и этика // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.

3. Фромм Э. Человек для себя. – Минск, 1998.